

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

“ЗЕМЛЮ И НЕБО ЛЮБИЛИ...”

О творчестве сибирского поэта Анатолия Горбунова

Русский народ — испокон веку художник, особо возлюбивший поэзию, тем паче, если стих обращался в народную песню; и, бывало, народ — голодный, холодный, в тяжких трудах и скорбях, — но всё одно стихи слагает. Истинно народным, природным поэтом, Царствие ему Небесное, был мой друг Анатолий Горбунов, и в его лирике я слышал голоса русских веков, зрел мерцание Вселенной, и в памяти оживало посвящённое мне стихотворение...

*Ослепший дом. На брёвнах накопъ солнца.
За полем — обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.*

*Напрасно ждёт весёлое остожье
На косовицу ратников своих —
Уставшие, они, по воле Божьей,
Рассеялись в пустотах голубых.*

* * *

В душе теплело, светлело, веселело, словно, наблудившись в сумрачном таёжном буреломе, вдруг вышел на ясную поляну, где нежатся под тихим солнцем щедрые травы, где из муравы ласково, игриво — бело, синё и зорево — светятся цветы. Эдакое впечатление рождалось, когда читал стихи и сказы Анатолия Горбунова, когда видел, слышал или живо вспоминал старинного друга.

Анатолий Горбунов — писатель народный, ибо *не вышел* из народа. Помню деревенскую побаску... Задубелый второгодник, которому бы хвосты быкам крутить, а не за партой ёрзать, под зорким учительским оком вымучивал некрасовский стих: “Однажды в студёную зимнюю пору // я из лесу вышел... — дальше двоечник забыл и, надеясь высмотреть забытые строки, зыркал в потолок, в окошко, где, укрытые снежной кухтой, призрачно синели школьные ёлочки. — Я из лесу вышел... и снова зашёл...” Укоротил парника стих, ибо лишь строку и выучил: “Я из лесу вышел...”, но ловко, оголец, завершил: “И снова зашёл...” Вот и Анатолий Горбунов, уроженец сибирского села Мутино, что на реке Лене, однажды в студёную либо жаркую пору шатнулся из народа, помыкался да вскоре обратно зашёл в народ. А и счастье писателя: возросши и заматерев среди сельского люда, в простолудье и ужились обличкой, привычкой, словом и душой. И всё, Богом отпущенное народу по

совести, попущенное по грехам, выпало и писателю: и свет, и сумрак души, и радости, и горести, и нужда со стужей, что и воплотилось в лирике.

*Как давно я здесь, Господи, не был!
Навестить не пускали дела.
Тетя Лина отправилась в небыль,
Дядю Котю проведать ушла.
Опустела без милых Россия.
Лебеда на завалинке — в рост.
Перестань убиваться, Василий,
Молча сходим давай на погост.
Я любил ненаглядных до дрожи,
Потерял слишком рано своих:
Так они друг на друга похожи —
От забот, от лишений земных!
Посидим в тишине, погорюем...
И пока в жилах силушка есть,
Мы ещё, сибиряк, повоюем
За свободу, за русскую честь.*

Коли поэт не сумел или не смел выйти из народа, добывая в тайге хлеб насущный, то стихи и проза писателя, краснопевца, краснобая, были похожи на живые беседы у таёжного костра и закатной реки, в заиндевевшей зимовьюшке и рыбачьем балагане, у счерневшей и вызленившейся избы и сельской поскотины, в сенокосных лугах и осенних брусничниках.

*В ловких унтах, кушаком подпоясан,
Был я стремителен, был я прекрасен!
Почту гонял по Сибири на тройке,
Сыпали звон колокольчики бойко,
Пели взахлёб, оглашая окрестность,
Девки сбегались на медные песни.
Кони летели, земли не касаясь,
Жгучей пургой обдавая красавиц.
Сохли по мне полевые цветочки,
Тайно кисеты дарили, платочки
И на вечорках вели разговоры:
Дескать, на ведьму нарвётся, провора...
(...)
Старость подрезала крылышки птицам.
Молодость вспомню — до зорьки не спится.
Так мне промчатся на тройке охота!
Жаль, что на смену пришли самолёты.
Смогли весёлые медные песни —
Ворон да волк оглашают окрестность.*

Произведения Анатолия Горбунова откровенно учительны, и учат любви: любви к ближнему, коя предтеча любви к Вышнему, к природе — Творению Божиему, к малой родине — Сибири, без коей нет любви к Великой Родине России, а есть лишь лукавое пустобайство.

*Чайка над милым селом
Солнечным ангелом вьётся.
Всё, что мы видим кругом,
Родиной нашей зовётся!*

Песенное слово Анатолия Горбунова — не унижающее, но возвышающее чувство опечаленной любви к тихо уходящему родному, русскому... У иного же собрата по слову — чувство искренно, сердечно, но обряжено в серое рубище, потому и не волнует читательской души; у другого, хуже того, мастерское слово виснет в душевной пустоте; а у третьего и вовсе — ни чувства,

ни слова, лишь громкая, трескучая, корявая фраза. Но посмотришь иной раз, корявый и борзый стихоплёт уже и воз книг навалял, и денег у хитреца, как у дурака махорки, а с деньгами волен и надписи из нужника печатать.

Поэт не вздыхает над простолоудьем, что перебивается с хлеба на квас и не видит просвета; поэт живёт той же мирской судьбой; поэт не увеселяется грехами, скорбями и немочами родного народа, чем потешаются смехачи из “голубого ящика”, но поэт и не наряжает русское простолоудье в лубочных матрёшек и петрушек.

*Мытари. Пропойцы. Самоеды.
Проливая собственную кровь,
Мы чужие празднуем победы,
Мы чужую пестуем любовь.*

*Грозные потомки Коловрата,
Гордые российские орлы
Присягнули кривде супостата,
Родину обули в кандалы.*

*От грехов отмоемся не скоро...
Помнит о распятом звонаре
Колокол державного позора —
Брошенная церковь на бугре...*

Сибирская природа и земляки — приленские чалдоны — одарили писателя таким народным художественным даром, какой по нынешней Руси днём с огнём поискать, а ночью — с лучиной. Почитывая толстые русские журналы, читая стихотворные сборники, радуясь народному духу и мудрому слову, редко встречал я на поэтической ниве России стихотворцев, кои бы, как Анатолий Горбунов, с эдаким любовным знанием живописали природу.

*Пустую бочку катит гром...
Уже вовсю ячмень иглится,
И поперхнулась колоском
На лес кукующая птица.*

* * *

Анатолий Константинович Горбунов родился на Лене-реке в деревне Мутино Киренского района Иркутской области; рос в большой семье, рано пошёл работать: пастушил, пилил лес, плавал на пароходе кочегаром, пахал в авиации — не лётчик, но и не лёдчик, кои лёд долбят на взлётной полосе, а радист. Стихи печатал в сибирских и столичных журналах. Автор книг, выходявших в Иркутске и Москве: “Чудница”, “Осенцы”, “Тайга и люди”, “Звонница”, “Перекаты”. Жил и процветал Анатолий во благо русской словесности. Меж стихами удил рыбу, бродил по тайге...

Полвека жил поэт тайгой и рыбалкой, но тяжёлый промысловый хлеб, а на склоне жизненного века мужика хвори одолели, и помню, с протянутой рукой сутуло шаркал поэт из кабинета в кабинет, Христа ради просил у чиновников и буржуев на издания книг и на жизнь. Бился, колотился на конкурсах, но к денежным премиям так и не пробился: откровенно либеральные, что с русофобским душком, за версту обходил, а лукавые конкурсы, вроде “Ясной Поляны”, ради заманчивой вывески премиально польстив всесветно славленным советским писателям, нынешних народных писателей, увы, не жаловали, предпочитая книжных и смутных; а премии Союза писателей России — на исподники хватит, а на портки займы проси. И так четверть века... И всё же поклон тем чиновникам и купцам, что учяли народный песенный дар поэта и подали в протянутую руку...

Долго Анатолий Горбунов таился в тихом скрадке; хворал, книг не печатал, лишь по газетам и журналам — стихи, сказки, словно белые и синие подснежники на солнцепёчных проталинах, но вышел сборник “Сторона речная”

и две книжки для малых сибирячков, а потом и книга прозы, стаяла хмарь, и в литературном небе засветилась и его путеводная русская звезда. Лишь бы мы, утупившие суетные взоры в закаменелую землю, лишь бы мы, бегущие по жизни сломя голову, вдруг замерли, отрадно оглядели небо и в звёздной россыпи высмотрели звезду поэта, и согрели душой, словно донеслись с небес едва внятные, но ласковые голоса родичей: любите землю русскую, как мы её любили, за которую столь народу головы сложили... Как в стихе Анатолия Горбунова: “Землю и небо любили, // Свет и застолье даря, // Доброе в людях будили, // Век свой прожили не зря”.

Анатолий Горбунов взрос и заматерел в народном безбожии, да ещё и таёжничал изрядно, а таёги, как со вздохом говаривали пахотные мужики, месяцами не моются, пню горелому молятся; а потом, очутившись в Иркутске, ленский чалдон окунулся ещё и в здешнюю богему, хмельную и любострастную. И даже когда, кажется, слово Божие вместила душа, но... “хоть церковь и близко, да ходить склизко; а кабак далеко, да идти легко”. Но догорела молодость, как в таёжных хребтах догорают кострами сиреневые заросли багула, и подступила старость... “Душа грустит о небесах...” – тихо молвил усталый поэт Есенин; вот и душа сибирского писателя, измученная скорбями и хворьями, тревожно и томительно вгляделась в небеса: что ждёт душу, коя день во грехах, ночь во слезах. Оно, конечно, “без греха веку не изживёшь, без стыда рожи не износишь”, да и у Бога милости много, не как у мужика-горюна, а всё одно, щемит душу лихо...

*За спиной всё глуше раздаётся
Скрип ступенек отчего крыльца...
Может, у последнего колодца
Пыль земную сполоснём с лица.*

*В час росы вселенского затишья
В поднебесье высветится храм,
Милостиво спустится Всевышний,
Ласково погладит по вихрам.*

Пришла на память баешная притча или притчевая байка, кою я запечатлел в очерке о писательском служении царю искусств – отчему слову...

“Ангелы тьмы крючками сдёрнули писательскую душу с лестницы мытарств и повлекли в ад крошечный, где “плач и скрежет зубов”, “где червь не умирает и огонь не угасает”. Миновали лютого разбойника... душегуб варился в копотном котле, что висел над яростным огнём... и подвели писателя к надраенному котлу, под коим шаял тусклый костерок. Глянулось писателю: нежарко... Долго ли, коротко ли, но костёр под разбойником стал слабеть, а под писателем разгораться; и возопил горемычный сочинитель: де, отчего же у разбойника огонь стихает, а у меня, знаменитого писателя, пуще ярится...” Ангел тьмы ответил: “Разбойник уже не грешит, и богомолы, земные и небесные, замаливают его грехи; а ты и на небе смертно грессишь, ибо тьма читающих твои сочинения и поныне искушается похотями, кои ты, безумец, воспел...”

Истинно, истинно, иереи, архиереи, патриархи отвечают не токмо за души свои, но и за души прихожан; воспитатели детского сада и школьные учителя – за детские души; писатели же, пока живы их сочинения, – за души своих читателей, как и прочие искусники – за души своих поклонников. А посему, не дай Бог писателю оставить после себя воспетые в слове страсти земные, да, упаси Бог, ещё и талантливо воспетые, ибо “рече же [Иисус] ко ученикам своим: не возможно... не прийти соблазном, горе же через кого приходят; лучше ему было бы, аще жернов мельничный повесили на выю его и ввергли в море... (Лк. 17: 1-2)

О лирике Анатолия Горбунова можно сказать словами Пушкина: “...здесь русский дух, здесь Русью пахнет...”, “...и милость к падшим призывал...”, “...велению Божию, о муза, [была] послушна...”. “Писатели – люди земные, смертные, не ведают, как их слово отзовётся в небесах, но коль воспели любовь к Богу, да хоть к ближнему, что предтеча любви к Вышнему, и воспели любовь к земле – Изножью Божию, то и Господь будет милостив не по грехам их. На то и уповаю, читая стихи и сказы Анатолия Горбунова, и молюсь: “Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Анатолия, и прости ему вся согрешения вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное”. Аминь.